

ВЕРА

КОЛОЧКОВА

ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ
МАДОННА

Вера Александровна Колочкова

Провинциальная Мадонна

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3948305

Провинциальная Мадонна/ Вера Колочкова: Эксмо; Москва; 2016

ISBN 978-5-699-92135-5

Аннотация

Надя родила в семнадцать лет. Вне брака. Причем всю беременность проходила, не пряча счастливых глаз, сияя радостной улыбкой, и, несмотря на все уговоры, так и не открыла имени отца ребенка. Эта слабая на вид девочка оказалась удивительно сильной. «Упрямая» – говорили о ней одни, «блаженная» – уверяли другие. А Надя просто-напросто умела любить.

Содержание

Часть I	4
Часть II	41
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Вера Колочкова

Провинциальная Мадонна

Часть I

Телевизор в большой комнате, или в зале, как торжественно величала ее мама, был включен на полную мощность, разнося хорошо поставленный голос дикторши из программы «Время» по всем закоулкам дома. Впрочем, как всегда – мама была глуховата на ухо. Что ж, надо терпеть. Не ее, конечно, а громкую передачу, потому что это – святое дело. Каждый вечер, хоть «небо разверзнься», как говорит старшая сестра Наталья, телевизор, как по расписанию, начинает «орать» о происшествиях... И ладно бы стоящие новости были. Так, общая говорильня об одном и том же, переливание из пустого в порожнее. Нет, ничего страшного, конечно, в этом нет, полчаса перетерпеть можно... Тем более уже в привычку вошло – плаваешь и плаваешь в этом потоке надоедливых фраз, не имеющих к ее малолетней девчачьей жизни никакого, собственно, отношения. Какая уж тут биология с географией, когда над ухом вьется громкое многословие-тарабарщина...

Тяжело вздохнув, Надя подняла голову от учебника, состроила себе смешную радостно-торжественную гримасу,

зашевелила в такт дикторскому голосу губами – «...и в эти последние дни уходящего тысяча девятьсот восемьдесят восьмого года партия и правительство подводят итоги первых широкомасштабных реформ во всех сферах жизни советского общества, провозглашающих политику гласности и перестройки в духе демократического социализма...».

– Надька, перестань кривляться! Я все вижу! Давай лучше уроки учи! – сердито прикрикнула мама, прогнувшись спиной на стуле и заглядывая в проем смежной с залой комнаты.

– Мам... И впрямь, сделай потише, уж очень орет... – подала голос Наталья, зевнув во весь рот. – Чего там особенного слушать-то, каждый божий день одно и то же...

– Может, тебе и нечего! А я обязана быть в курсе всех событий, у меня должность такая! Понимать должна, не маленькая! Орет ей, видите ли...

Но руку все же к телевизору протянула, сердито защелкала рычажком громкости, снизив звук до минимума. Даже слышно стало, как позвякивает ложка в Наталиной чашке с чаем, как шелестит по оконному стеклу сухой снежной поземкой декабрьский вьюжный ветер.

– Подумаешь, должность – парторг на швейной фабрике... – тихо проворчала Наталья, отхлебывая чай. – Нашим теткам на конвейерной линии только и есть дел, что гласность в духе перестройки обсуждать...

– Ай-ай... Ишь, как заговорила, посмотрите-ка на нее! – беззлобно усмехнулась мама. – Да если б не я, как бы ты в

начальники цеха в свои двадцать семь лет вылезла? Сидишь себе в конторке, в тепле, отчеты строчишь... Люди вон годами такую должность добывают, а тут раз – и в дамки! Ох, и наглошная ты у меня девка, Натаха, как посмотрю...

– При чем тут моя должность и перестройка с гласностью? В одну-то кучу все не вали!

– Ладно, не заводись. А то я не знаю, как ты умеешь, с пол-оборота...

– Так первая начинаешь! Сама бы хоть понимала чего! Выучила нужные слова и толкаешь их на собраниях, как лозунги, – да здравствует гласность и перестройка! Вдумалась бы, что за этим стоит...

– Ну? И что такое страшное там стоит? Смерть с косой?

– Да ну тебя, мам... Вот как с тобой серьезно разговаривать? Ты ж непроходимая, как лесная чащоба!

Надя в своей комнатушке уже со страхом вслушивалась в их диалог, улавливая в сестрином голосе нарастающие истерические нотки. Наташа в спорах бывала гневлива и раздражительна, заводилась буквально с пол-оборота – мама сейчас правильно сказала. А соседка, добрейшая Полина Марковна, однажды по поводу этого вердикт вынесла: мол, замуж Натаху надо спровадить, и все как рукой снимет... Мама же вполне резонно возразила: легко сказать! Можно подумать, по их жалкому поселку при швейной фабрике каждый день кавалерийские полки гарцуют и томящихся свободой девиц высматривают!

– Вот скажи, ты помнишь, как третьего дня к нам лектор из области приезжал?

– Помню, конечно... – задумчиво вздохнула мама, с опаской глядя на старшую дочь. – Умный такой парнишка... Женатый только, двое детей...

– Да при чем тут двое детей! Я ж не об этом... Помнишь, как он на последний автобус опоздал и его к нашим девкам в общежитие на ночь определили?

– И что? – напряженно разогнула спину мама.

– А ничего! То есть в том смысле, каком ты сейчас подумала, – как раз и ничего... Нет, девки-то по-своему расстарались, конечно. И стол накрыли, и подпоили, а толку – ноль...

– Ну и замечательно! Значит, порядочный парень попался!

– Да я не к тому! Вот всегда у тебя голова в одном направлении работает! Везде только аморалку видишь!

– Но ты ж сама начала про этого парня...

– Ладно, неважно. То есть не в этом суть. В общем, подпоили, он за столом язык-то и развязал... Развыступался, только шум стоял! По пьяной лавочке все рассказал, что умные люди с изнанки этой перестройки да гласности углядели!

– И что там такого, интересно?

– А то, чего ни в какой программе «Время» никогда не расскажут. Например, что скоро нам всем неминуемый трындец придет... И партии твоей тоже полная хана будет. Останешься без работы в свои предпенсионные пятьдесят...

– Ой, да типун тебе на язык, Наташка! И как он у тебя на такую антисоветчину поворачивается! Как это – без партии? Думай, что говоришь! Смотри, не брякни где-нибудь, а то неприятностей не оберешься! Еще и при сестре! Надька, не слушай, уроки учи!

– Да я учу, учу, мам...

– Ну, все, понесло... – раздраженно отмахнулась Наталья. – Разве можно с тобой вообще о чем-то нормальном поговорить...

– А не надо со мной ни о чем таком говорить! Вот погоди, я еще разберусь с этим лектором, сообщу куда следует!

– Только попробуй! Вообще из дому уйду!

– И куда это, интересно знать? Кто и где тебя ждет, кроме матери? Да если б кто был, сама бы с удовольствием спроводила...

В комнате застыла предгрозовая тишина. Надя втянула голову в плечи, ожидая Натальиной взрывной отповеди. Может, еще хуже будет. В прошлый раз, например, в пылу подобного разговора сестрица тарелку с супом на пол опрокинула и тут же успокоилась, через десять минут пол подтерла и мирно села с мамой чай пить. А еще Наташа действительно может подскочить и убежать с плачем, сильно хлопнув дверью. И тогда мама будет плакать, ждать ее до ночи, в окна выглядывать...

– Ладно, чего мы... Обе, как ненормальные. На пустом месте ссору затеяли... – заискивающе произнесла мама, вста-

вая из-за стола. – Пойду-ка лучше чайник подогрею. Совсем остыл... Ой, у меня же в сумке коробка конфет, клюква в сахаре, совсем забыла! Нынче по благу в буфете давали! Сейчас принесу...

Младшая выдохнула – на сей раз пронесло вроде. Молодец мама, вовремя собралась-одумалась. А клюква в сахаре – это хорошо. Исключительно вкусно!

– Надька, иди чай с конфетами пить! – позвала Наташа из комнаты довольно миролюбиво. – Потом уроки доделаешь!

– Ага, иду! – та с готовностью подскочила, успев сделать закладку в учебнике географии.

– Вот, девчонки, налетайте... – торжественно выложила мама в центр стола белую с красными разводами коробочку. – Сегодня руководящему составу в буфете наборы давали: сервелат финский, болгарские помидоры в собственном соку да вот конфеты... А в нагрузку фасоль в томатном соусе да консервы «Завтрак туриста». Совсем обнаглели – даже нам с нагрузкой давать начали... Колбасу с помидорами на Новый год оставила, а конфеты, так и быть, ешьте!

– Угу... – решительно открыв коробочку, Наталья цапнула белый сахарно-пудренный шарик, понесла в рот и, зажмурившись от кисло-сладкого вкуса, произнесла шепеляво:

– Мам, я тебя спросить хотела: в нашем цеху ремонт намечается, да?

– Не знаю... С чего ты взяла?

– Да к нам сегодня парень из стройуправления прихо-

дил... Обмерял что-то, приглядывался.

– Что за парень?

– Ну, парень как парень... Симпатичный такой. Девки говорят: молодой специалист из области, после техникума в наше стройуправление распределили.

– Надо же... А лет сколько?

– Да вроде двадцать два... Или двадцать три... Если армия да плюс техникум... В общем, молодой совсем.

– Ну, не такой уж молодой. Он откуда? Из каких мест?

– Не знаю. Говорят, вообще детдомовец.

– Что ж... Детдомовец – это хорошо...

– Ничего себе, сказанула! Чего ж хорошего-то, мам?

– Да я не в том смысле... Получается, у него в наших местах никого нет... Слушай, Натах, а может, мы его на Новый год позовем?

– С чего это?

– А что такого? Доброе дело сделаем... Должен же парень где-то отпраздновать! Почему не у нас? Если стесняешься, давай сама приглашу! Я же парторг, обязана о молодых, перспективных кадрах заботиться!

– Ой, все я поняла с твоей заботой! Жениха мне ищешь, да?

– А хоть бы и так, что с того? Хватит в девках-то сидеть! Двадцать семь стукнуло, а она все сидит как квашня!

– Мам, ты не ослышалась случаем? Ему двадцать два года всего!

– И что? Пять лет – невелика разница.

– Ой, да ну тебя, ей-богу... Не смейся...

– Ладно. Смешить не стану. Но парня Новый год отмечать позову, не обессудь. А там уж как сложится. Какая у него фамилия, говоришь?

– Серый. Сергей Серый.

– Ох, матушки, ну и фамилия...

Надя тихо прыснула в кулачок, лукаво глянула на вмиг смутившуюся Наталью. Всегда краснощекое лицо сестры сделалось совсем жарким, глаза блеснули сердитым огнем, выбившаяся из-под заколки-обруча прядка жестких волос нервно дрогнула над маленьким узким лбом. Вот зря она сердится – лицо совсем некрасивым делается. А когда улыбается, наоборот, вполне даже ничего. Все говорят, в эти моменты на маму в молодости похожа. А та на старых фотографиях такая красавица: взгляд смелый, в глазах веселый задор, толстая коса через плечо! Папа, помнится, ее называл «моя Фурцева»... И никогда ни в чем не перечил. Как-то умел потихоньку проворачивать – спорить не спорил, а делал все по-своему... Мама говорит, что она, Надя, якобы в него характером пошла – тоже молчунья, себе на уме. И пальцем при этом грозит. Хотя чего плохого, скажите, быть себе на уме? Вот Софья Михайловна, их классная руководительница, наоборот, заявляет, что иметь на все собственную точку зрения – это замечательно...

– Надька, все уроки сделала? Сидит тут, взрослые разго-

воры слушает! Еще и хихикает, главное!

– Да ладно тебе, Наташ... – вступилась мама, – и впрямь неказисто звучит – Сергей, да еще Серый...

– Можно подумать, у нас фамилия княжеская – Истомины! И вообще... При чем тут фамилия? К нам-то с какого боку припеку?

– Конечно, конечно... Ни с какого... – покладисто закивала головой мама, явно думая о чем-то своем. – Значит, на Новый год индюшку в духовке зажарю, пирог с рыбой испеку и с капустой... А для компании можно Полину Марковну позвать, она та еще балаболка, с ее трескотней даже уютнее будет...

– Ты о чем? – сердито осадила ее Наталья. Но чувствовалось, что сестра вовсе не сердится, а будто смущается. Или сердится, но тоже как-то понарошку.

– Как о чем? – мама удивленно подняла плечи. – Решили же паренька-детдомовца в дом на праздник позвать. Надо, чтоб все честь по чести было!

– Так уж и решили?

– Нуда...

– Ой, делай как знаешь! Вечно тебе какая-то блажь в голову придет... Надька, иди уроки учи!

Младшая допила чай, сунула в рот еще одну конфетку и послушно поднялась из-за стола. И впрямь, параграф из учебника географии недочитанным остался. Так, на чем там глаз остановился... Ага, значит, большая часть Восточно-Ев-

ропейской равнины относится к той области умеренного пояса, где наблюдается постепенный переход от морского климата к континентальному... Вот бы сейчас попасть в тот самый морской климат, как по мановению волшебной палочки! Раз – и уже в море купаешься... Когда отец жив был, они, помнится, всей семьей на море ездили, в Одессу. Он ее там плавать учил... Жалко его. И откуда только эти проклятые смертельные болезни берутся? Когда папу хоронили, девочка для себя решила – обязательно врачом будет, чтобы уметь их лечить. Чтоб другие дети без отцов не оставались...

Хотя у этого детдомовца, которого мама собралась пригласить на Новый год, наверняка никого не было. Интересно, как это – без родителей? Скорее всего, он совсем грустный, этот Сергей Серый. Серенький, жалкенький... Хотя нет, они ж вроде не такие, детдомовцы, судя по известной группе «Ласковый май»! Наоборот, шустрые, песни под гитары поют! А может, этот парень вообще на Юру Шатунова похож? Тогда зачем ему вечно сердитая Наташка? Юра – он же такой... Глаз оторвать невозможно! Как запоем: «Белые розы, белые розы» – аж мурашки по коже бегут...

А мама-то хитренькая. Сразу понятно, зачем его решила позвать... Надеется старшую дочь замуж выдать! Ха, посмотрим...

– Ох, ну и морозец сегодня! Бегом до дому бежала...

Наталья торопливо расстегнула пуговицы пальто, аккуратно сняла с головы белый платок-паутинку, тут же сунулась к зеркалу, чтобы поправить прическу – немыслимо кудрявое сооружение под толстым слоем лака. Надя смотрела во все глаза – сроду таких кудрей на сестринской голове не было... Не прическа, а мамина каракулевая шуба, которую та надевала по праздникам!

– Посмотри! – звонко выкрикнула Наташка в сторону кухни. – Как тебе?

– Ух ты, помереть можно! – выглянула оттуда распаренная от новогодней готовки мама. – Красавица моя писаная! А я костюмчик тебе нагладила, тот, красненький... Ну, который из Чехословакии привезла, когда меня в поездку от райкома партии включили... Иди-ка надень, посмотрим, как будет с причесочкой-то!

– Ага, сейчас!

Сестра торопливо нырнула в комнату и вскоре показалась в дверном проеме в костюмчике: узкая юбка чуть выше колен, пиджачок с воланом-воротником и такими же рукавами. На шее – золотая цепочка с кулоном-сердечком, стыдливо сбегающим в ложбинку груди. В ушах – такие крупные золотые серьги с камнями-рубинами, что мочки смешно от-

тянулись.

– Мам, я твои серьги надела... Ничего? Та не успела ответить – в дверь с шумом ввалилась Полина Марковна, бухнула на скамейку прикрытую полотенцем эмалированную расписную плошку.

– Девки, а холодец-то у меня подморозился! С вечера оставила в сенцах да и забыла... Не знаю, отойдет ли к столу-то! Ух ты, Наташка, какая ты расфуфыра нынче...

– Так праздник же, тетя Поль! Как встретишь Новый год, так его и проведешь! Может, я весь год собираюсь красивой ходить?

– Ну-ну, куда там с добром... – понимающе хихикнула Полина Марковна, со значением глянув на старшую подружку. – Татьяна, может, помочь чего?

– Ага, давай, а то с салатами не успеваю! – призывно махнула рукой мама. И, обернувшись, кинула на ходу: – Надька, чего стоишь как истуканша? Иди платье новое надевай!

– Ой, ну мам...

– Не ойкай!

– Да ладно, ладно...

Не любила она это дурацкое платье: совсем детское, в красно-белую клеточку, воротник под самое горло, юбка солнце-клеш ниже колен. Даже вытачек для груди нет... Вместо них – кармашки со смешными аппликациями.

Как в детском саду, ей-богу... Даже в зеркало на себя смотреть не хочется. Лучше уж к телевизору присесть, до-

смотреть «Соломенную шляпку» с красивой актрисой Людмилой Гурченко...

– На вот, бокалы полотенчиком протри! – тут же дала ей работу мама, суетливо пробегая мимо накрытого в зале стола. – Да аккуратно, смотри не разбей! Чешские, всю дорогу над ними тряслась!

Около десяти часов стол был накрыт, исходил вкусными запахами приправленных майонезом салатов, горделиво пыжился припасенными к празднику дефицитами – нежной розово-соленой горбушей, веером тонких колбасных кружков, блюдцем с какими-то черными ягодами с чудным названием «маслины». Она тихонько стянула одну, сунула в рот... И тут же выплюнула. Ничего себе, дефицит! Горечь-соленость одна, проглотить невозможно!

А ровно в десять раздался робкий стук в дверь, и все дружно вздрогнули, будто не ожидали. Мама первая рванула открывать, развязывая на ходу фартук. И тут же задрезжала приветливой скороговоркой:

– Заходи, заходи, Сережа, молодец, что пришел! Давай раздевайся, пальто можно вот сюда... И не стесняйся, у нас все по-простому! Наташенька, где ты там? Сережа пришел!

– Привет... – девушка вальяжно выплыла в прихожую, небрежно теребя золотое сердечко на груди. – Ну, шампанское-то с мандаринами зачем принес?.. У нас же все есть.

– Сереж, а это Полина Марковна, соседка наша! Моя мама, покойная, с ней дружила... – продолжала приветливо

ворковать хозяйка. – Мы вообще все хорошо общаемся, и Новый год всегда вместе встречаем! А вот еще Наташенькина сестра, младшая моя дочка... Наденька, ты где?

Та робко ступила в прихожую, подняла глаза... Нет, вовсе он не был похож на Юру Шатунова. Обыкновенный, как все. светловолосый, синеглазый, с детскими ямочками на щеках. Вот нервным жестом оправил черный свитерок, торопливо провел пятерней по волосам. И улыбнулся так искренне, будто плеснул благодарностью – я весь ваш, ребята, спасибо, что пригласили...

– Надюшка, поздоровайся, чего стоишь как неродная! – окликнула весело мама.

– Здравсць... – смущенно пролепетала девочка, глупо и не к месту пожав плечами.

На нее и впрямь накатило неумемное стеснение, обволокло с головы до ног, задрожало тоненько в горле. И рука сама по себе потянулась к волосам, устроившимся русой волной на плече, зачем-то перекинула их назад, за спину. Щеки покрылись пунцовым румянцем – как она его терпеть не могла, этот румянец стеснения! Ну, чего все на нее уставились, что она им, Людмила Гурченко из телевизора?

– Ишь, красота какая растет... – вздохнув, тихо произнесла Полина Марковна.

– И не говори, растет и растет... Уж тринадцатый год пошел... – подхватила Татьяна, улыбаясь, – платье-то весной на вырост покупали, а теперь, гляди-ка, почти мало... Не

знаю, что и дальше будет...

– Мам, тетя Поль, ну чего мы все здесь столпились! Давайте за стол садиться! – скомандовала Наташка, стрельнув по лицам обеспокоенным взглядом.

– Ой, и впрямь! – засуетилась мама, снова ласково зазывая гостя: – Проходи, проходи, Сереженька... Не стесняйся, будь как дома, у нас все просто, без этикетов! Вот сюда, поближе к салату оливье. Любишь его?

– Да я все люблю, Татьяна Ивановна. Что на тарелке есть, то и люблю.

Присаживаясь, Надя глянула на парня исподтишка – надо же, опять улыбается. Так и брызжет из глаз веселой приветливостью, нежно-голубоглазой и беззащитной, причем такой, что хочется прикрыть ее руками, утишить, укоротить...

– Ага! Вот и молодец! Давай-ка тарелку, я тебе всего положу, ешь на здоровье! – продолжала буйно гостеприимствовать мама. – А то, знаешь, мужика у нас нет, даже и похвалить за вкусную еду некому! Ты пока налей всем вина, поухаживай за дамами...

– Да уж, без мужика в доме шибко плохо! – подхватила эстафетную палочку Полина Марковна. – Ни гвоздя вбить, ни крышу починить... Три бабы неприкаянные – чего они могут-то? Борщи варить да чистоту блюсти? Так этого не отнимешь, конечно... Всегда в доме обед есть...

– Ладно, Марковна, хватит! – оборвала ее причитания Татьяна Ивановна. – Давай лучше праздновать, Новый год на

носу!

Разобрались наконец с бокалами, салатами, переглянулись неловко: кто первый тост скажет? И снова Полина Марковна оказалась на высоте, приосанилась, заговорила душевно:

– Ну, проводим по обычаю старый год, значит... С добром проводим, чтоб наступающего не испоганил. А в новом пусть всех здесь присутствующих по-своему счастье найдет... Чтоб дом – полная чаша, чтоб умели друг дружке дать то, чего у самого в избытке, а другому по жизненной неурядице не хватает... Эх, да что там...

Взмахнула полной ладонью, вытянула из бокала до доньшка, зажмурилась сладко:

– Какое вино-то у тебя знатное, Татьяна Ивановна, надо же! Крепенькое, сразу мозги сшибает!

– Это не вино, Полина Марковна, а рябина на коньяке! – весело поправила ее Наташка, едва пригубив из своего бокала. – Страшный дефицит, между прочим!

– Так кто ж спорит, что дефицит! Нынче что повкуснее – то и дефицит... – и, обернувшись к Сергею, спросила коварно: – Может, тебе водочки, а?

– Нет, спасибо, я водку не пью.

– Что, совсем?

– Совсем. Нельзя. Говорят, отец мой алкоголиком был. Потому даже пробовать не хочу, извините...

Сказал так просто, будто попросил солонку с другого кон-

да стола передать. Надя видела, как напряглась мама, как нервно затеребила серьгу в ухе Наташка. Только Полина Марковна совсем не смутилась, продолжая свое простодушное дознание дальше:

– А мама кто была?

– Ее совсем не помню. Она меня двухлетнего у бабушки оставила, а потом сгинула где-то и больше не объявилась. Когда бабушка умерла, меня в детдом забрали...

– Марковна, чего к человеку пристала, уймись! Может, ему неприятно... – тихо проговорила мама, подкладывая гостю очередную порцию салата.

– Да ничего, Татьяна Ивановна, все нормально, – спокойно произнес Сергей, чуть улыбнувшись. – Мне скрывать нечего, я сам свою жизнь строю, что есть, то есть. Давайте лучше за ваш дом выпьем, хорошо у вас... За окном вьюга, холод, а тут тихо, тепло, чисто... Настоящий, семейный...

Надя вдруг увидела, как он нежно теребит пальцами крахмальную льняную салфетку, как незаметно проводит ладонью по вышитому синей гладью цветочку на скатерти. Проследила взглядом за сестрой – та тоже внимательно смотрела на его руки...

– Это скатерть старинная, Сереж, – чуть наклонившись, произнесла Наталья с долей интимной снисходительности в голосе. – Она от бабки маме в приданое досталась. Сейчас уже не модно, конечно... Но у нас все по-простому, мы за тенденциями не особенно следим...

– Да. Очень красиво, – доверчиво кивнул Сергей. – Ну, давайте же выпьем за ваш дом, пусть в нем всегда будет тепло и счастливо!

Выпили, снова принялись жевать. Наташка глянула на экран телевизора, подскочила, прибавила звук, и комната наполнилась тревожным голосом популярного певца, закружилась вихрем нежная мелодия «Меж нами памяти туман, /Ты как во сне, ты как во сне...».

– Ишь ты, безобразник, как портками ляжки-то обтянул! – нарушила своим комментарием возникшее очарование Полина Марковна. – И как только его, волосатого, в телевизор пустили!

Наталья с Сергеем переглянулись, усмехнулись в унисон. Парень – по-доброму, старшая сестра, пожав плечами, – снисходительно. Соседка, видимо учуяв свою оплошность, заговорила поспешно:

– Сереженька, ты ж холодца моего еще не пробовал! Я по всем правилам его снаряжала, с чесноком, с лаврушкой!

– Спасибо, Полина Марковна, очень, очень вкусно...

Надя вздохнула, отпила вишневого компота из бокала. Странное напряжение от происходящего за столом не отпускало ее, глаза вдруг сделались болезненно-зоркими, вбирающими все мелкие детали... Вот Наташка потянулась, вилкой тыпнула кусочек холодца с тарелки гостя, хихикнула игриво. Понимающе переглянулись мама с Полиной Марковной, сморщили губы в сдерживаемых довольных улыбках. А

Сергей... Этого всего и не замечает, по-прежнему улыбается так искренне, так доверчиво! Вот и в ее сторону посмотрел, подмигнул дружески. И снова загорелись щеки. Девочка схватилась за бокал, глотнула противный теплый компот...

– Ой, а время-то, смотрите-ка, без десяти двенадцать! – вдруг всполошилась Наташка, подпрыгнув на стуле. – Мам, носи шампанское из холодильника, а то за разговорами Новый год пропустим!

– И правда, – метнулась та на кухню, дожевывая на ходу, – чуть не проглядели...

– Ну, с богом! – торжественно произнесла Полина Марковна и зачем-то истово перекрестилась, возведя глаза к потолку.

Вот уже без пяти минут...

– Тихо! Надька, сделай телевизор погромче! Сейчас генеральный секретарь коммунистической партии будет с обращением к народу выступать! – торжественно скомандовала мама, протягивая принесенное шампанское Сергею.

– Ой, мам... – недовольно взглянула на нее Наташка. – Ты еще по стойке «смирно» встань...

Женщина ничего не ответила, лишь отмахнулась и недовольно свела брови, зорко вглядываясь в экран телевизора, где генеральный секретарь, проникновенно глядя в глаза своему народу, успел произнести первые строчки обращения: «...последние минуты отсчитывает уходящий в историю тысяча девятьсот семьдесят восьмой год...»

– Как будто мы без него не знаем, что последние... – тихо пробурчала на ухо Сергею Наташка. – Давай, открывай шампанское, а то не успеем...

Все! Забухали звоном куранты на Спасской башне Кремля, с шумом вылетела пробка из бутылки, полилось искрящееся шампанское по бокалам под аккомпанемент дружного бабьего «а-а-а»...

Надя, как все, подставила бокал, поймала толику новогоднего напитка. Мама, правда, успела недовольно округлить глаза, но в такой момент уже не до строгого воспитания! Тем более сам генеральный секретарь только что призвал новый, тысяча девятьсот восемьдесят девятый достойно встретить!

– Сереж, загадывай скорее желание! – вдруг тихо скомандовала Наташка, поднося свой бокал к губам. – Я вот, например, загадала...

– И я... И я – загадал...

То ли шампанское в нос шибануло, то ли вспыхнувшая внутри догадка так неприятно поразила ее... Но отчего-то сразу открылась не произнесенная вслух подоплека этих желаний. Ну, с Наташкой-то все понятно, но Сергей... Как же он разрешил так легко себя облапошить?

– Ура! С Новым годом, с новым счастьем, поздравляю, мамочка! Надька, с Новым годом! Полина Марковна, Сережа!

Принялись возбужденно прикладываться друг к другу с поцелуями. Сергей вступил в эту обманную чехарду и потянулся губами к щеке Нади. Она вздрогнула, отстранилась,

глянула на него, видать, в таком отчаянии, что он застыл, удивленно таращась. Но в следующую секунду отвлекся, глядя, как смахивает со щеки слезу умиления сентиментальная Полина Марковна.

А странное чувство-отчаяние не отпускало. Может, воздуху не хватает? Вдохнула поглубже, застыла, удерживая его, а на выдохе... Вдруг расплакалась. Глупо, смешно, по-ребячьи. Навзрыд.

– Надька, Надь... Ты чего? Что это с тобой, а? – строго проговорила мама, будто извиняясь перед гостем за поведение дочери.

– Чего, чего! – выступила вперед Полина Марковна, протягивая ладони и обхватывая ее за плечи. – Не надо было дитю шампанского наливать, вот чего! Как на него ни гляди, а все одно – вино! Много ли надо-то ребенку... Чуть глотнула, уже и расклёкало!

– Ну все, Надежда, отметила Новый год, и ладно... – снова сдержанно-строго произнесла мама. – Иди, иди спать... Надо же, выдала номер, аж перед людьми неудобно...

Та с шумом отодвинула стул, бросилась в комнату в закутке, захлопнула за собой дверь. Последнее, что видела, – сочувствующий Сережин взгляд... По-настоящему, искренний, без обмана. Так смотрит любящий брат на горячо любимую сестренку. Но легче не стало. Наоборот...

Свадебное гуляние плавно двигалось к завершающим аккордам вместе с угасающим июньским днем, довольно пасмурным. Уставшие звуки гармони резали на куски влажные сумерки, охрипшие от песен голоса были вялыми, нестройными, гасли в общем хмельном гомоне. Осунувшаяся от усталости мама присела на бегу к замшелой тетушке из Крюкова, примостившейся на завалинке.

– Теть Рая, да вы никак всплакнуть собрались? Радоваться ж надо...

– Да я радуюсь, Танюшка, радуюсь... Жаль, твой Иван до этого дня не дожил... Из родни нашей никого не осталось, все чужие нынче на свадьбе-то!

– Да, тетя Рай, с родней у нас дефицит, что поделаешь. Судьба, видно, так распорядилась. Случись с моими девчонками чего – и голову приклонить не к кому.

– Ну тебя, не каркай! Чего с ними может случиться? Да и ты еще баба сильная, на тебе мешки таскать можно! А вот Григория зря, зря на свадьбу позвала, какой с него толк... Не в себе мужик, сразу видно...

– А как было не позвать, тетя Рая? Он же Иванов брат, хоть и двоюродный. Какой-никакой, а родственник. Других-то никого нету.

– Ты смотри, кабы из дома не спер чего!

– Я уж Надюшке наказала, чтоб за ним присматривала...
Дядя Гриша, папин брат, и впрямь был немного не в себе.

То ходил неприкаянно по дому и по двору, заглядывал во все углы, то вдруг оборачивался к следующей за ним по пятам Наде, спрашивал резко:

– А ты кто – старшая или младшая Ванькина дочка?

– Я младшая... Старшая, Наташка, замуж выходит.

– А... Ну да. Ваня-то рано помер, жалко.

– Жалко, дядь Гриш...

Во дворе, где были накрыты столы, тем временем произошло небольшое оживление. Кто-то из гостей, исхитрившись незаметно пролезть под стол, стащил с ноги невесты белую туфлю, и все сгрудились вокруг добычи, выдавая веселые комментарии:

– Пусть жених невестину обувку выкупает, пусть раскошеливается!

– Да не... Не по обычаю жениху раскошеливаться, вы что...

– А как там по обычаю, что с ней теперь делать-то?

– Так надо в туфлю вина налить, пусть из нее пьет до дна, по-гусарски!

– Ух ты, здорово... Серега, чего пить будешь? Вино или водку?

– А ну, дайте-ка сюда... – решительно воспротивилась мама этим гусарским замашкам, выхватывая туфлю из рук хмельного затейника. – Ишь чего, обувь вином портить...

Небось денег стоит, да немалых...

– Ну-у-у, Татьяна Ивановна, весь интерес испортила...

– Ничего, без интереса обойдетесь. Вон включайте магнитофон да пляшите себе, как приличные люди.

– Да уж наплясались вроде...

– А давайте частушки, девки! Мы ж еще частушки не пели!

– Давайте! Дядь Вася, бери гармонь, хватит выпивать-закусывать!

Мама с тревогой поискала глазами приглашенную на свадьбу заведующую клубом Виолетту по прозвищу «Сто рублей новыми деньгами». Агрессивно-культурная, эта женщина получила его вовсе не за любовь к деньгам, а за то, что который уже год пыталась поставить в драмкружке при клубе одноименную пьесу Памфилова. Неизвестно, откуда у нее взялась неистовая любовь именно к этой пьесе, но репетиции возобновлялись с завидным упорством и гасли по разным причинам – то не хватало претендентов на мужские роли, то актерские данные работниц швейной фабрики не устраивали. Поймав мамин тревожный взгляд, Виолетта успокоила ее значительным кивком головы: ничего, мол, не беспокойся, сие народное творчество заранее прошло редактуру относительно нечаянных прецедентов антисоветчины...

Первой в круг выскочила лихая Тамарка, Наташкина одноклассница, взмахнула выбеленными перекисью кудрями:

Печку письмами топила,
Не подкладывала дров,
Все смотрела, как горела
Моя первая любовь!

Мама улыбнулась, кивнула одобрительно. Хорошая частушка, душевная и всем приличиям соответствует. Молодец Виолетта, наверняка сама сочиняла. Если все частушки в таком духе – можно и расслабиться.

Полюбила летчика,
Думала, летает!
Прихожу на эродром,
Он там подметает!

Вслед за Тamarкой частушечное приличие подхватила приятная во всех культурных отношениях Галина Семеновна, сестра директора фабрики, орденоносца Владимира Семеновича Чепикова:

Мой миленок на работе
Всех по нормам обогнал,
Потому что вдохновился —
Ночью «Капитал» читал!

В кругу хлопали вяло, скучновато. На лицах были улыбки, но скомканые какие-то, будто от неловкости.

– Нет, что за народ, – проговорила мама тихо, устало, –

все им пошлую частушечную матерность подавай, никакой культуры...

Махнула рукой, пошла в дом – пора торты из погреба доставать, накрывать столы к чаепитию. И вдруг остановилась...

Перестройка, перестройка,
До чего ты довела,
Вместо милого ребенка
Девка гласность родила!

Ах, сволочь Тамарка... Нет, ну что за народ, на минуту отойти нельзя!

Я пойду в кооператив,
Денег там захочу,
Кофту модную куплю,
Пусть миленок лапает!

– Тамара! – крикнули они с Виолеттой возмущенно почти в унисон. И переглянулись, в смятении замолчав.

– А чего такого-то! – запыхавшись, девушка кинула со лба белую челку. – Чего трясетесь, все вам по правилам да по приличиям надо... Все, Татьяна Иванна, кончились ваши приличия! Теперь можно что хочешь говорить! Тем более – частушки петь!

– Ну, тогда бы уж лучше матерные пела... А то – коопера-

тив... Захапаю, главное... Ты не забывай, на чьей свадьбе-то гуляешь...

– Ой, да ну вас! Что, отчет о свадьбе будете в райком писать? И чего я такого спела? Будто для всех большой секрет, что в кооперативах нормальные деньги зарабатывают, а мы на фабрике гроши получаем!

– А ты не ори, не на митинге. Да и там особо не болтай всякие глупости. Сегодня, может, и гласность, и кооперативы, а завтра один бог знает чего будет... И вообще, давайте уже пейте чай да расходитесь, молодым покой дать пора...

– Это кто ж молодой? Ваша Наташка, что ли? – уже несло обиженную Тамарку. – Рады небось, что дочку-перестарка замуж сбагрили?

– А ты не завидуй, Тамара. Завидовать нехорошо. Ничего, и на твоей улице когда-нибудь праздник будет.

Все застыли в неловком молчании, ожидая Тамаркиного ответа. Она стояла бледная, злая, теребила легкий шифоновый шарф на груди, собиралась с духом. Но, видно, так и не собралась. Лишь оглянулась на притихших молодых, махнула рукой и медленно пошла к распахнутой настезь калитке. Надя с жалостью смотрела ей вслед – она любила лихую Наташкину школьную подружку. По крайней мере, всегда доброй была. Помнится, с ней, маленькой, возилась, с рук не спускала. А папа смотрел на Тамарку и говорил: «Хорошей матерью будешь, замуж поскорее бы выскочить...»

– Надь... Надька... – послышался откуда-то из-за спины

сдавленный знакомый голосок.

Обернулась – так и есть, Машка со Светкой за изгородью стоят, подзывают к себе воровато.

– Надьк, иди сюда...

– Чего вам, девчонки?

– А принеси чего-нибудь вкусенького, а?

– Ладно. Конфет хотите?

– Давай! И колбаски еще захвати, и сыру, который с дырками. Только смотри, чтоб мамка не увидела!

– Да ладно... У нас же свадьба, ей не жалко.

– Ну прям... Моя бабушка говорит, что у твоей мамки снегу зимой не выпросишь... Ну, чего встала? Неси давай, раз обещала!

Ох, уж эта Машка Огородникова – до чего ж противная... Самая вредная девчонка в классе! Вот огрызнуться бы и послать к черту, да ладно, все-таки свадьба, ссориться неохота...

Вздыхнув, девочка поплелась в дом. В прихожей замешкалась на секунду – глянуть на себя в зеркало, воротничок на платье поправить... И застыла, прислушиваясь к доносящимся из кухни голосам – судя по всему, Виолетта с Галиной Семеновной вовсю мамины да Наташкины косточки перемывают...

– Ты смотри, как ловко этого детдомовца к рукам-то прибрали, он и опомниться не успел! Это и понятно, парню семье хочется, тепла домашнего... Татьяна у нас баба ушлая,

сразу все козырные карты вычислила! Не мытьем, так катаньем, все равно бы свое взяла! Прикинулась доброй лисичкой...

– И не говори, Виолетта! Знаешь, мне сегодня так жалко этого паренька стало... Хороший же, скажи?

– Конечно, хороший... Но, как говорится, коготок увяз, и птичке конец... Наташка-то едва дотерпела, по-моему, чтоб характер свой зловерный до свадьбы не обнаружить. Эх, пропадет парень ни за грош... Изведут, слопают – не подавятся!

– Ага, ага... Эй, чего такими крупными кусками торт режешь! Татьяна же сказала – помельче!

– Нуда, забыла... Смотри-ка, и тут жадничает, окаянная. Пошли, что ли, к столу? Чаю попьем да по домам разойдемся...

Увидев девочку в прихожей, ойкнули, переглянулись испуганно:

– Надюшка, ты чего здесь... Давно стоишь, что ли?

– Нет, Галина Семеновна, только вошла...

– А... Ну ладно. Пойдем чай с тортом пить, смотри какой, пальчики оближешь! Новомодный, «Птичье молоко» называется!

– Да, я сейчас...

Прошмыгнула на кухню, встала неприкаянно, забыв, зачем принта. Щеки горели огнем, и было так стыдно, словно ее саму обвинили в неискренности. Будто и она тоже – хит-

рой лисичкой...

Вспомнила! Она же обещала девчонок вкусненьким угостить: конфетами, колбасой, сыром с дырками. Вон сколько всего в холодильнике... Уж ей-то не жалко нисколечки!

Кулек с «вкусненьким» получился довольно увесистым, и пришлось проявить чудеса изворотливости, чтоб дотащить его незаметно до изгороди, где ждали девчонки. Машка ловко цапанула кулек, спрятала под кофту, воровато отступила на шаг.

– Пошли быстрее, пока ее мамка нас не застучала! – испуганно позвала подругу Светка. Но Машка медлила отчего-то... И вдруг, повернувшись, бросила Надьке в лицо:

– А свадьба-то у вас никаковская получилась, вот! Невеселая совсем, даже рожу никому не набили! И плясали мало, и пели... Значит, не будет молодым счастья!

– Машк... Ты чего злая такая? Просила вкусненького – я принесла...

– Ну и что? Оно ж все равно по благу купленное! Твоей матери лишь бы схватить, что плохо лежит! Бабка говорит – она и жениха для твоей сеструхи так же схватила! Будто по благу из-под прилавка! А он, малахольный, и поддался!

Надя ничего не ответила, лишь грустно пожала плечами. Чего с нее возьмешь, с этой злой Огородниковой... Она и в школе, например, говорит, что Наде хорошие оценки по благу ставят. Да это ничего, пусть... Но зачем же так про Сережу-то... И никакой он не малахольный, просто очень доб-

рый. И не виноват, что Наташке поверил... Та доброй прикинулась, а парень вовсе не виноват!

Хотя поначалу, тогда, после Нового года, ей показалось, что у старшей сестры и впрямь характер начал меняться в другую сторону. Сбиралась на свидание с Сережей, напевала что-то веселенькое себе под нос, крутилась перед зеркалом. Особенно долго ресницы красила, поплеывая в коробочку с тушью и смешно вытягивая перед зеркальцем лицо. Раньше редко когда красилась, а тут...

– Губы-то зачем так ярко намалевала! – озабоченно подглядывала из кухни мама. – Еще подумает, что ты девица легкого поведения, не дай бог! Такой помадой, поди, одни проститутки красятся!

– Ой, мам... – беззлобно отмахивалась Наташка, вытягивая губы перед зеркалом. – Понимала бы чего... Это же самый сейчас модный цвет – яркая морковь...

– Да сама ты морковь! – раздражалась мама, бухая на плиту чайник. – Тебе ж не мода сейчас главное, а до загса его довести... Дура ты, все неправильно делаешь! Вот скажи, какого лешего ему твоя модная помада сдалась?

– А что ему сдалось, по-твоему?

– Ну, не знаю... В гости бы позвала, я бы пирогов напекла...

– Он и так придет в выходной, тогда и будешь свои пироги подсовывать. Я же все-таки девушка, а не клуша с домашними пирогами...

– Ну-ну. Девушка она, гляди-ка. После Володьки Подкорытова как есть девушка и осталась... Нашла с кем связаться! Поматросил и бросил. Интересно, где у тебя глаза-то были?

– Мам, ты опять... Ну сколько можно, ей-богу? Пять лет с тех пор прошло! Он уж женат, двоих детей воспитывает!

– Да он-то воспитывает, это понятно... А ты на бобах осталась. И сейчас, если будешь морду красить да перед зеркалом вертеться, счастье просвиستیшь. Смотри, хоть на этот раз удержи. Теперь от меня ничего не зависит...

– Как это – не зависит? – насмешливо повернулась к ней Наталья. – А пироги в воскресенье? Я, что ли, возиться буду?

– Ну да, воскресенье – это само собой... А сегодня куда идете?

– В клуб, на танцы. А потом он меня до дому провожать будет.

– Целовались уже?

– Не-а... Знаешь, такой скромняга оказался, даже с поцелуями не лезет...

– Это хорошо, что не лезет. Значит, серьезные намерения имеет. А о чем хоть разговариваете-то?

– Да так, перебираем ерунду всякую. Вообще-то Сережа скучный: ни анекдота рассказать не умеет, ни выпить с ним, ни поругаться толком... По-моему, он даже голоса повесить не может, не то чтоб по-настоящему разругаться.

– Я тебе поругаюсь! Ты это... Характер-то раньше време-

ни не выказывай, знаю я тебя! Лучше помалкивай да поддакивай больше, поняла?

– Да без тебя знаю, не учи. А только все равно – скучно.

– Ага... Вон жене Володьки Подкорытова, говорят, шибко весело – каждый день на работу с синяками приходит. А чего он такого рассказывает, что тебе скучно?

– Да так... Про детдом свой, про воспитательницу, про армейских друзей... А еще много читал, про книжки рассказывает. Да и вообще – про жизнь, про планы...

– И какие там у него планы?

– Да обыкновенные. Работа, дом, семья, много детей.

– Ну, и какого еще рожна тебе надо? Или так и собираешься в девках-перестарках около матери жить?

– Нет, мам, не собираюсь. Мне и самой такая жизнь надоела, когда все, кому не лень, возрастом в глаза тычут. Не торопи меня, сама знаю, что делаю. Будет у меня муж, хоть и скучный, но будет. Успокойся.

– Ну, дай-то бог... Только смотри, чтобы наши профурсетки с фабрики не увели...

– Не уведут. Мы каждый вечер теперь встречаемся, так что, считай, он у меня в кармане.

Надя сидела в своей комнате, вслушиваясь в этот диалог, и замирала душою. Ну почему Наташка с мамой... такие, как не стыдно человека обманывать? Тем более Сережу... Такой открытый, добрый, искренний. Он же сестре верит... Не знает, что та, как в сказке, может из царевны-лебеди в одночасье

в злую лягуху превратиться. Однажды в воскресенье, когда парень в гости на мамины пироги пришел, решила даже шепнуть ему на ухо тихонько: «Не верь...» Да только не посмела, застеснялась. Она в его присутствии вообще очень стеснялась, глаз не могла поднять. Да чего там – даже дышать трудно было, все дрожало внутри странной неловкостью, подступало к горлу волнением. Даже за стол с пирогами не садилась, отговаривалась несделанными уроками. Сидела в своей комнате, слушала, как мама с Наташкой сладко воркуют над гостем... Как потом смеются над ним – простым, честным...

И вот теперь – свадьба. Уже ничего не поделаешь. Наташка сидит за столом в белом платье, в нарядной фате, улыбается горделиво. И Сережа улыбается, целует ее, когда «горько!» кричат. И лицо у него счастливое...

Гости, напившись чаю, начали потихоньку расходиться. Вот Виолетта трогательно расцеловалась с мамой, сладко приговаривая: «Все было чудесно, Татьяна Ивановна, миленько так, пристойненько...» Ушли группкой Наташкины приятельницы с фабрики, и было слышно, как взорвался их дружный смех в конце улицы. Дядя Гриша совсем осоловел – сидел на стуле, свесив длинные руки вниз. Мама с тетей Раей принялись было убирать со стола, разбили красивое синее блюдо из сервиза и махнули рукой – потом, завтра...

– Надька, ты где?

– Здесь, мам...

– Ступай-ка к Полине Марковне ночевать, я договори-

лась.

– А что, в моей комнате...

– В твоей комнате молодые спать будут. А им свидетели в первую брачную ночь не нужны, сама понимаешь. Свечкой светить не надо, сами разберутся, чего да как.

– Мам! Ну зачем ты такое при Надьке... – стыдливо одернула ее Наташка. – Смотри, она сейчас от стыда сквозь землю провалится! Вишь, вспыхнула как!

– Ой, да ладно... Пусть привыкает, дело житейское. Иди, Надька, не путайся под ногами. Поздно уже, спать пора.

Девочка медленно побрела по улице, зябко поеживаясь и неся в себе странное, довольно болезненное ощущение – то ли это были непролитые слезы, то ли засевшая от маминых слов пугливая пристыженность. Благо идти было недалеко. Вот и неказистый, одним боком чуть завалившийся на землю домик Полины Марковны, выглядывает плотным желтком окон из зарослей палисадника.

– А, Надюшка... Я тебя жду, спать не ложусь... Иди, я там на топчанчике постелила. Если ночью всхрапну – не обесудь.

– Ладно, тетя Польша. Сейчас умоюсь и лягу. Выключайте свет...

Топчан притулился в самом углу единственной комнатенки, переходящей напрямую в кухоньку-закуток. Девочка легла, завернулась в одеяло, дала волю слезам... Горячие, обильные, они бежали по щекам, скатывались на ситцевую,

пахнущую сухой травой наволочку, застревали в носу, не давая дышать. Хлюпнула тихонько пару раз, пытаясь сглотнуть их вовнутрь...

– Надюха... Ты чего там, реवेशь, что ли?

– Нет, тетя Поль... – прогундосила слезно, сопливо.

– Да я ж слышу! А чего реवेशь-то? Радоваться надо – сеструха замуж наконец выскочила, а она ревет...

– Я радуюсь, тетя Поль... Я... Я просто устала сегодня...

– Конечно, надо радоваться! Знамо ли дело – до двадцати семи лет в девках засидеться! Раньше вон таких вообще в монастырь посылали...

– Ну уж и в монастырь! Да за что?

– А ты как думала! Считалось, если замужем не пригодилась, пусть хоть богу послужит.

– Ничего себе... Но она ж не виновата...

– А кого интересует, виновата иль нет?

– Так сейчас ведь не старые времена, тетя Поль!

– Да все одно, что старые, что не старые. Отношение-то к таким девкам одинаковое. Вон твоя мать знаешь как за Наташку переживала? Прямо ночами не спала, все мечтала ее замуж спихнуть... Так что не реви, а, наоборот, радуйся. Иль ты о чем другом реवेशь?

– Нет, нет... Да я и не реву больше...

Ладошкой торопливо вытерла слезы, притихла. Прошел по телу испуг: вдруг ушлая Полина Марковна и впрямь поймет, о чем девочка плачет? Хотя – о чем таком вообще мож-

но думать, если она сама себе ответ на этот вопрос толком дать не может? Да и не догадка это вовсе, а так, маета непонятная, давно поселившаяся внутри маленьким зверьком, иногда сердито щекочущим сердце, иногда ласково-тревожным... Кому он мешает, этот зверек? Пусть себе живет, жалко, что ли? Его никто и никогда не увидит, явью не обнаружит. А плакать и впрямь нельзя... Да и не о чем, собственно... Все же не так уж плохо сложилось в конце концов! Может, и Наташка рядом с Сережей поменяется, поделится... И она сама теперь парня каждый день будет видеть, чем плохо?

Часть II

– ...За отличную учебу и примерное поведение почетной грамотой награждается ученица десятого класса Истомина Надежда!

Завуч Антонина Степановна торжественно вскинула голову, тряхнув рыхлым подбородком, заулыбалась девушке, торопливо идущей по проходу актового зала. Вручив грамоту, похлопала по плечу, шепнула интимно на ухо:

– Молодец, Наденька, молодец... Так держать... Если и в одиннадцатом классе так же будешь учиться, может, на золотую медаль тебя вытянем...

– Спасибо, Антонина Степановна!

– Да на здоровье, моя умница. Гордость школы...

Надя взяла в руки лощеную грамоту, еще раз пробормотала тихое «спасибо» и под жиденькие аплодисменты размлевшего от майской жары школьного собрания быстро пошла на свое место в предпоследнем ряду. Сердце в груди все еще бухало, перемогая волнительную неловкость.

– Надьк, дай хоть позырить, что за бумажки за хорошую учебу дают! – протянулась из-за спины нахальная рука Машки Огородниковой. – Мне-то не светит, я над учебниками задницу не просиживаю... Как моя мать говорит, пятая точка у нормального человека не казенная...

Цапнув грамоту, Машка хихикнула, посопела насмешли-

во, потом произнесла не без ноток тщательно скрываемого завистливого пренебрежения:

– Ну, и чего? Бумажка, она и есть бумажка... Я понимаю, если б денег отвалили... У отца вон этих почетных грамот – целая пачка накопилась. Как напьется, все грозитя уборную во дворе ими обклеить...

Надя промолчала, лишь слегка пожала плечами. Вообще-то она неплохая девчонка, эта Машка. Ну да, завистливая немного, это есть. Но не злая. Вот мать у нее – это да. Чуть что – сразу руки распускает. А отец пьет сильно, ему не до дочери...

– Фу, как жарко... – обмахиваясь Надиной грамотой, тоскливо проговорила подружка. – И когда только эта бодяга закончится? Отпустили бы уж домой...

– ...Желаю вам, ребята, хорошо отдохнуть на каникулах и с новыми силами, так сказать... – начала закруглять свою прощальную речь Антонина Степановна, да осеклась на полуслове, потянулась к стакану с водой, одиноко стоящему на столе, крытом багровой суконной скатертью. Глотнула, поперхнулась, махнула рукой, dokonчила сдавленно: – Ну, все, отдыхайте, в общем...

Малышня дружно сорвалась с мест, затолклась на выходе из актового зала. Машка тронула Надю за плечо, поднимаясь из кресла:

– Ты домой?

– Домой, куда ж еще?..

– Ну, тогда пошли.

– Пошли...

Девочки медленно миновали школьный стадион, поглазели, как пятиклассники, вырвавшись на свободу, тут же затеялись с футболом, оглашая округу визгливыми пацанячьими криками. Немного прошли по центральной дороге, разделяющей поселок на две части, потом вырулили на свою улицу, принаряженную буйно цветущей в палисадниках сиренью. Машка остановилась, сломила веточку, быстро перебрала пальцами мелкие соцветия.

– Говорят, если пятилистник найти, счастье будет... О, смотри, нашла!

– Ну, так и загадывай желание.

– Ага... Так... Чего бы загадать-то? Машка возвела глаза к небу, старательно наморщила лоб, сосредоточиваясь. Потом произнесла не совсем уверенно:

– Даже не знаю... Пусть сегодня отец трезвым с фабрики придет, что ли...

Надя было вознамерилась усмехнуться – ну что за желание! – но вовремя сдержалась, чтоб не обидеть подругу. Но та уже почуяла ничтожность желания как такового и потому заговорила горячо, словно сама себя оправдывая:

– Нет, а что... Думаешь, приятно каждый вечер в их с матерью скандалах участвовать? Я вот ей недавно говорю: разведись... А она мне: жалко, говорит, его... Что это, говорит, за жизнь, когда мужик свою семью толком прокормить не

может? Вон опять вчера зарплату наволочками да пододе-
жальниками дали... Нету, говорят, денег, берите, что дают! И
куда мы с этими хозяйством? В город, на рынок торговать?
Прямо нас там и ждали...

– Ага... – сочувственно вздохнула в ответ Надя. – Твое-
му хоть наволочками дали, а нашей Наташке так вообще са-
тиновыми халатами... Мама говорит – хорошо, не уволили,
пока та с Мишенькой в декрете сидела. И из начальников це-
ха сестру выперли, когда маме с фабрики пришлось уйти...

– Да, наволочками лучше, конечно. Скорей бы школу за-
кончить да работать пойти, ага? Еще один годок остался...
Правда, мне только семнадцать будет...

– А мне после аттестата до восемнадцати всего ничего
останется. У меня день рождения в октябре.

– Везет... Хотя ты-то, наверное, в институт поступать бу-
дешь?

– Буду. И мама этого хочет. Говорит, без высшего образо-
вания теперь никуда.

– Да кому оно нужно, Надьк! Кто поумнее – и без дипло-
мов хорошо зарабатывает!

– Но деньги же не главное, Машк...

– А ты это мамке своей скажи, что деньги не главное!
Она тебе быстренько объяснит, что главное, а что нет! Са-
ма-то всю жизнь из-за копейки удавиться была готова! Те-
перь небось злится на всех...

Надя поморщилась, ничего не сказала. Если ответишь –

опять ссориться придется. Нет, чего все так маму не любят, интересно? Столько времени прошло, а все недобрым словом поминают... Вот что она, например, Машке Огородниковой плохого сделала? Или ее матери с отцом? Да она и не знала их толком, когда на фабрике парторгом была...

– Надьк, а теперь-то она как? – Кто?

– Да мать твоя, кто! Сильно небось злится?

– На кого?

– Да ладно, ты дурочку-то из себя не строй... Понятно, что она не шибко обрадовалась, когда из партийных начальников вытурили! Жила себе припеваючи, а тут здрасьте-на-те, партию взяли и разогнали! И кто она теперь, получается? Да никто! Даже на работу никуда не берут! Вон пусть теперь идет в пошивочный цех, как моя мамка, погнет спину! Узнает, каково это – целый день практически задарма пахать... Да ее и туда не возьмут, посмотрят еще...

Надя сбоку удивленно глянула на Машку – чего ее снова понесло, да еще с такой яростью? Будто вожжой кто под зад хлестнул. Наверное, с людской завистью так и происходит, как с застарелой болячкой – чуть тронь, вспыхивает болью, расплывается раздражением по всему организму. Жалко, так хорошо шли...

– Ладно, Маш, мне в проулок свернуть надо, я к тете Полине обещала после школы зайти! – решительно оборвала она обличающий монолог. Но, обернувшись, уже на ходу добавила сердито: – И не твое дело, куда моя мама на работу

станет устраиваться, поняла? Не переживай, найдет, хоть и в пошивочном! А в остальном... Взрослые говорят, а ты потом повторяешь, сама хоть бы понимала чего! Дура ты, вот что я скажу после всего этого!

И решительно зашагала вдоль по проулку, оставив подругу с разинутым от возмущения ртом. Вовсе не надо было ей к тете Полине идти. Но Огородникова испортила-таки настроение...

Ну да, дома теперь плохо, она и так знает. Мама действительно в последнее время сама не своя. Как с фабрики ушла, все ходила как в воду опущенная, а потом на всех ругаться начала. Особенно на Сережу... Как будто он виноват, что коммунистическая партия приказала долго жить и мама потеряла свое место. Месяц назад к нему друг-детдомовец приезжал, так она его даже на порог не пустила. Надо было в этот момент Сережино лицо видеть...

И Наташка – тоже хороша. Как муж ни старается ей угодить, проку нет. Что ни сделает, куда ни ступит – все не так... Нет, не подобрела сестра, даже когда Мишеньку родила. Наоборот, еще злее стала. И за собой не следит – растолстела, волосы в тонкие химические кудельки завила, чтоб лишний раз с прической не возиться. В общем, на злую базарную тетку стала похожа. Чуть что не по ней – сразу в крик...

И ладно бы только так, она же Сережу норовит оскорбить прямо при Мишеньке! А тот смысленый растет, в свои три годика уже все понимает. Когда Наташка не видит, подойдет

к отцу, обхватит за ногу, прижмется всем тельцем, ждет, когда тот его приласкает... Сережа возьмет сына на руки, прижмет и стоит... И лицо у него такое... счастливое и несчастное одновременно. Прямо смотреть на них обоих в эти моменты больно...

Иногда Наде казалось, что она чувствует его боль физически – сразу начинается маетная ломота внутри, лихорадка, как при сильной простуде. А однажды, когда Наташка особо сильно зверствовала, не выдержала и расплакалась в голос, все повторяла в лицо изумленной сестре: не надо, не смей... Чего «не смей» – так и не проговорила толком.

С тех пор Наташка стала на нее коситься как-то нехорошо, обидчиво. Нет-нет да поймает Надя на себе взгляд, полный потаенной злобной задумчивости. А однажды, когда зашедшая к ним на огонек тетя Полина вдруг произнесла некстати: смотри-ка, мол, какая из младшей красавица-лебедушка вылупилась, – вообще разозлилась, шлепнула подвернувшегося под ноги Мишеньку с такой силой, что полчаса его успокоить не могли...

Зря тетя Полина тогда ее красавицей обозвала. Никакая она и не красавица, а так, ни то ни се, обыкновенная зубрилка-скромница. Волосы на бигуди не завивает, ресницы-губы не красит. Вон девчонки из класса, как соберутся на дискотеку в клуб – все, как бабочки, кто во что горазд расцветятся! Юбки короткие, лосины у одной красные, у другой синие, у третьей вообще колготки в сеточку... Модно, ко-

нечно. Но она как-то... не решилась бы все это напялить. Да и неинтересно было, по большому счету... Гораздо интереснее с книжкой на диван завалиться или с Мишенькой поиграть-побаловаться. Даже мама иногда удивлялась, сама на эту дискотеку гнала: почему, мол, дома все время проводишь, так и просидишь всю жизнь над книжкой, от жизни отстанешь... Можно подумать, будто там и есть настоящая жизнь! Парни под хмельком, и музыка эта дурацкая... Ну что это – «Ксюша, Ксюша, юбочка из плюша!». Или еще лучше – про три «кусочка» колбаски...

Нет, она бы сходила, конечно. Хотя бы для того, чтобы от маминых бесконечных «почему» отвязаться. Просто не тянуло, и все. Конечно, дома время проводить тоже не сахар, Наташкины истерики да мамина раздраженность хоть кого с ума сведут. Но зато там – Сережа, который каждый вечер с работы приходит... Надо же его хотя бы душевным присутствием поддержать! Даже сидя на диване с книжкой в руках. Поднять голову, улыбнуться дружески-ободряюще... И он улыбнется, подмигнет мимоходом. Никакая самая развеселая дискотека Сережиной улыбки не стоит, если уж до конца честной быть! Ни Ксюши с их дурацкими юбочками, ни всякие колбасные обрезки...

Задумавшись, она толкнула калитку и вошла во двор. О-о-о... Ну конечно, опять сестрица концерт закатывает, из распахнутых окон ее голос далеко разлетается. Девушка села на крыльцо, вздохнула, понурившись...

– Нет, это, по-твоему, деньги? То, что ты в зарплату принес, это деньги?

– Наташ, ну сколько по ведомости выписали, столько и принес... Хорошо, хоть это дали... – послышался усталый, с хрипотцой голос Сережи.

– И на это, ты считаешь, можно прожить, да? Ты же мужик, не стыдно этикие гроши домой приносить? На что я сына кормить буду, по-твоему?

– Ну ты же знаешь, сейчас везде так... Не я один в подобном положении нахожусь... Хорошо, хоть это дали, и то спасибо!

– За что – спасибо? Вот за это? Ты еще им в ножки поклонись за эти гроши! Пусть они объяснят, как на них жить целый месяц, как ребенка кормить! А ты даже кулаком как следует стукнуть не можешь!

– Да что толку от моего кулака? И стучали уже, и требовали... Вон даже забастовку хотели устроить... Хоть заступчись, все равно больше не дадут. Ты же сама все прекрасно понимаешь, Наташ... Да если б мог...

– А ты смоги! Мужик или кто? Если на работе не платят, значит, в другом месте возьми!

– В каком другом? В бандиты пойти, что ли?

– А хоть бы и в бандиты! Другие же идут!

Ты что, такой нежный, да? Пусть семья с голоду помирает, тебе все равно?

– Никто у нас с голоду не помирает. А в бандиты я не

пойду.

– Ой, ой, посмотрите-ка на него... Ты ж детдомовец, тебе туда самая дорога и есть! Уж не думал ли, что мы с мамой тебя всю жизнь кормить будем?

Молчание. Тишина. Будто подул из окна грозовой ветер, настоящий на Наташкиной злобности. Чего ж Сережа молчит? А может, и правильно молчит. Что тут еще скажешь... Только и остается – хлопнуть дверью.

Ага, хлопнул-таки. Выскочил на крыльцо как ошпаренный, сел рядом, отер пот со лба. Рука дрожит, на скулах желваки ходуном ходят.

– Давно сидишь? Слышала, да?

– Конечно, слышала...

– Нет, ну за что она со мной так, скажи? Что не так делаю? Работаю, как все, не ворую, не пью... Я, что ли, виноват, что наше РСУ на ладан дышит? Да сейчас вообще никто ничего не строит, не ремонтирует! Все без денег сидят, времена такие!

– Не бери в голову, Сереж. Все образуется, погоди немного.

– Что – образуется? Ничего уже не образуется... Это я, дурак, вляпался по самое ничего... Семьи захотелось, надо же... Вот оно, семейное счастье, слышала? Нет, я же нормальный вроде мужик, не слабак... Как так получилось, что себя именно им и чувствую, когда она на меня орет? Не в морду же ей давать, в самом деле!

– Ничего... Образуется...

Вот же привязалось к ней это «образуется», будто других слов больше нет! А впрочем, и правда нет... Что она еще может сказать в утешение, ничего...

– Да я сам виноват, Надюха. Слабину дал, пошел на поводу у своих мечтаний – иметь дом, семью... Вот тебе, получи по ведомости. Как говорится, и в горе, и в радости. Что делать, ошибся... И назад уже не повернешь, Мишку жалко...

– Сереж, ну не надо так... Вот честное слово, все наладится! Наташка же от безденежья злится, да и все жены такие, наверное... Все хотят, чтобы мужья семью кормили...

– Что ж, будем считать, что так... Все равно у меня другого выхода нет. Придется в город подаваться, на заработки. Здесь, в поселке, не разбогатеешь.

– Ну вот видишь, выход всегда есть! Поезжай в город, конечно. Хоть от скандалов отдохнешь.

– Как думаешь, отпустит?

– Конечно, отпустит! Она ради денег и к черту на рога отпустит...

* * *

Через три дня Сережа уехал. И сразу в доме спокойнее стало – придраться-то не к кому... Один Мишенька ходил потерянный, все спрашивал, разведя пухлые ручки в стороны: когда папа с работы придет? Да еще Полина Марковна,

зайдя как-то, поинтересовалась:

– А Серега-то у вас где? Что-то давно не видать...

На что Наташка ей довольно бодро ответила:

– В город подался, на заработки!

– Ну-ну... – глубокомысленно изрекла Полина Марковна, вздохнув. – Не боитесь, что уведут мужика? Он парень видный, вроде не с руки надолго от себя отпускать!

– Ой, да кому он нужен, голь детдомовская... – сердито пробурчала мама, коротко глянув на Наташку. – Никакого проку от него в доме нет. Пусть хоть совсем пропадет...

– Мам, ну что ты, ей-богу! – в сердцах откликнулась Наташка. – Никуда не пропадет! У него друг в городе хорошо на квартирных ремонтах зарабатывает, обещал в бригаду взять! Чего злишься все время?

– А ты, можно подумать, не злишься! Живете, как кошка с собакой, каждый день ругаетесь! Слушать противно...

– Не слушай!

– Да куда ж я денусь, ведь дома теперь постоянно... Хожу из угла в угол, как неприкаянная... И никому дела нет, хоть с голоду подыхай...

– Не прибедряйся. Чего уж с голоду-то... Небось обедать-ужинать за стол каждый день садишься.

– Ну, спасибо, доченька, на добром слове! А только я, между прочим, на свои кровные обедать-ужинать сажусь, на твоей шее сидеть не собираюсь! Слава богу, откладывала на черный день в добрые времена!

– Да ладно вам, девки, не собачьтесь... – вяло махнула рукой Полина Марковна, с шумом прихлебывая чай. – Экая нынче заваруха из-за денег пошла, везде дым коромыслом... Вон по телевизору объясняют – инфляция, мол... Кака-така инфляция, сроду раньше таких слов не слыхивали! В магазине булка хлеба – пятьдесят рублей... Листаешь эти бумажки, листаешь, со счету собьешься, а толком ничего не купишь! И как дальше жить, непонятно. То ли дело раньше... Ходишь и ходишь себе на работу, получаешь нормальные деньги пятого и двадцатого. Эх, жизнь...

– Да уж, все вспомните еще, как хорошо когда-то было! И про партию вспомните, и про бесплатные путевки, и про бесплатные квартиры... Погодите, погодите, еще и не так взвоете... – тихо, сквозь зубы, проговорила мама, глядя в окно.

– Ну, завелась... – обреченно подняла глаза к потолку Наташка. – Может, хватит уже? Надька, накапай маме валерьянки, слышь?

– Да не надо мне твоей валерьянки, сама пей! Или для муженька своего голозадного припаси, когда с деньгами придет! Посмотрим еще на его великие заработки...

Сережа приехал на следующей неделе, в пятницу, ближе к вечеру. Они с Наташкой одни дома были, мама в магазин ушла, там как раз к вечеру обещали венгерских кур выкинуть. Зашел тихо, сел на стул в кухне, устало сложил руки на стол. А Наташка, бессовестная, нет чтоб доброе слово сказать, сразу с вопросом кинулась:

– Ну, чего молчишь? Как устроился, заработал хоть что-нибудь?

Сережа лишь горько усмехнулся, полез во внутренний карман куртки, выложил на стол свернутую пополам тоненькую пачку купюр.

– Здесь двадцать тысяч, Наташ. Все, что заработал.

– Сколько, сколько? Двадцать тысяч? Это что, деньги, потвоему? Да это ж один раз на рынок сходить, и то не хватит!

– Я же только устроился... Вон Сашку упросил аванс дать...

– Да мне какое дело, кого ты там упросил? А чем я ребенка кормить должна? Святым духом? Ты отец ему или кто? Не-ет, мама-то права, не будет с тебя толку...

Надя, сидя в соседней комнате, с ужасом вслушивалась в Наташкин восходящий по спирали гневный и уже привычный монолог, не замечая, как шепчет тихо, неприкаянно:

– Да не молчи, не молчи, Сереж... Ну же, ответь... Возьми и закричи также... Что же ты...

Нет, не ответил. Не закричал. Да и то – было бы странно, если бы в самом деле взял и закричал в ответ. И не потому, что не умеет или окончательно смирился, а просто... Противно, наверное. Устал, как любой человек, от постоянно направленного в его сторону раздражения.

Дверь хлопнула... Ушел? Ну да, наверное, если Наташка вдруг осеклась на полуслове. Выглянула на кухню – точно, сестра одна, повернулась к плите, сыплет в кастрюлю капу-

сту с разделочной доски, бурчит что-то под нос, выплевывая остатки злобного недовольства. Тихо, на цыпочках, девушка прокралась за ее спиной, выскочила на крыльцо...

Ага, вон Сережа уже за калиткой, быстро идет по улице. Руки в карманах брюк, спина напряжена. Оглянулся на ее зов, улыбнулся грустно:

– А, Надюха, привет...

– Сереж... Ты куда?

– В садик, за Мишенькой. Соскучился, сил нет.

– Можно с тобой?

– Нет, Надь, не надо, я сам... Мне одному надо побыть...

– А... Ну ладно. Не расстраивайся...

Он лишь рукой махнул, отвернулся, быстро пошел вдоль утопающих в сирени палисадников. Девушка постояла, растерянно глядя ему вслед... Потом вернулась во двор, села на скамейку-качалку, любимое место под старой липой, оттолкнулась носком от земли. Взвизгнули ржавые железные крепления, огласив тоскливыми звуками двор. Выскочила на крыльцо Наташка, огляделась тревожно:

– Надьк, а Серега-то где?

– Он за Мишенькой в садик пошел. Сказал, соскучился.

– А... Ну ладно.

– Наташ, зачем ты опять орешь на него? Он вон какой уставший приехал...

– А не твое сопливое дело, зачем! Мой муж, хочу и ору, поняла? Днем наору, ночью приласкаю... Да все так живут,

не бери в голову. Сама потом на своего орать станешь.

– Не стану. Ни за что.

– Ой, ой... Это мы еще посмотрим... Вырасти сначала, потом умничай...

Потянувшись, она зевнула во весь рот, содрогнулась, зябко сплела рыхлые руки под грудью.

– Ладно, пойду борщ доваривать, все-таки муж приехал как-никак...

Вот в этом вся Наташка. Сначала выплеснет из себя злобу, потом мурлыкает. А что злость в кого-то влетела и творит свои черные дела, ей уже и дела нет... Успокоилась, пошла борщ варить. Еще и нахально подпекает мелодии, льющейся из кухонного радиоприемника: «За тыщу верст холода да выюга, нам не хватает с тобой друг друга...»

Июньские сумерки подкрались незаметно, принесли с собой волглую прохладу с реки. Скрипнула калитка – мама пришла, глянула на нее, сидящую на скамье, проворчала недовольно:

– Чего без дела сидишь... Вон полы бы в доме помыла.

– Мам, Сережа приехал.

– Ой, тоже, счастье какое... Наташка-то как его встретила?

– Да ругалась, как обычно.

– Ага. Ну, кто бы сомневался. Ох, с ума с вами сойду...

Что за жизнь, господи...

Вздыхнув, она тяжело поднялась по ступеням крыльца, во-

шла в дом. Было слышно, как они тихо переговариваются на кухне, звякают посудой, накрывая стол к ужину.

– Надь... Надь, иди сюда...

Сережа стоял за калиткой, держа Мишеньку за руку, и подзывал ее взмахом ладони.

– Что такое?

– Возьми Мишеньку. Прохладно стало, идите домой.

– А ты?

– Не пойду. Я как раз на последний автобус успеваю. Скажешь, что я уехал.

– Сереж, ну что ты! Не надо... Пойдем домой, там Наташка борща наварила...

– Нет, не могу я. Вот представляешь, не могу больше...

Глянул в глаза, будто плеснул накопившимся отчаянием. Присел на корточки, прижал к себе Мишеньку, поцеловал жадно в пухлые щечки.

– Не скучай, сынок. И помни, я тебя очень люблю. Очень... Ну, все, иди к тете Наде...

Он слегка подтолкнул его, быстро развернулся и пошел прочь. А у девушки слезы на глаза навернулись – так и стояла, пока тот не скрылся за поворотом. И Мишенька молчал грустно, тихо стоял рядом, будто понимал чего...

* * *

«Здравствуйте, дорогая Александра Григорьевна. Вы ме-

ня не помните, конечно же, – столько лет прошло... Я Сережа Серый из Обуховского детдома, где вы когда-то работали воспитателем. А может, и сейчас работаете, не знаю.

Да, в общем, это и неважно. Вот решил письмо написать... Помните, вы как-то говорили, что, если наступит в жизни трудная минута и не буду знать, как поступить, надо просто сесть и написать кому-нибудь письмо, то есть изложить на бумаге то, что в голове болью крутится, и непонятно, куда ее выплеснуть. Мол, напишешь, потом прочтешь написанное, и все встанет на свои места, в голове прояснится, все ответы-решения сразу найдутся. Ну, вот я и попробую... Озвучу свою беду.

Да, у меня беда, Александра Григорьевна. Вы, наверное, удивитесь, что именно со мной такое стряслось. Помните, как вы говорили, – ты, мол, Сережа, мужичок крепкий, и натура у тебя основательная, вполне жизнеспособная, нигде не пропадешь. Я и сам считал, что не разменяю себя, не растеряю. Буду жить, как все нормальные люди, работать буду, женюсь... Знаете, как я всегда мечтал о нормальной семье, хотел быть самым лучшим отцом своим детям! Так только детдомовец мечтать может – с отчаянной надеждой на счастье. А только, наверное, перемечтал... Ну, то есть мечты эти мне глаза застили, на слепого котенка стал похож. Куда блюдце с молоком поставили, туда и побежал не глядя. Когда женился, думал, в лепешку разобьюсь для жены, для детей, даже для тещи! И впрямь старался, как тот дурак, которого

заставили богу молиться, а он люб расшиб. Я же им всю душу, все сердце на тарелочке с голубой каемочкой...

Наверное, в этом главная ошибка и заключается – нельзя так увлекаться радостным старанием-то. Ведь кажется – чем больше стараешься, тем больше тебя любить будут... Нет, это вовсе не так, слишком поздно я это понял. Чем больше стараешься, тем больше тебя за человека не считают. А уж любить... Теперь и не знаю – любила ли меня жена, когда замуж за меня выходила? Хотя чего себя тешить этим «знаю, не знаю»... Конечно, не любила. Просто каждой женщине замуж хочется, чтоб семья была, чтоб все как у всех, по-людски. А тут я на горизонте высветился – слепой котенок...

Нет, первый год мы с Наташей хорошо прожили, пока Мишенька не родился. В смысле хорошо, что постоянно направленное в мою сторону раздражение списывал на капризы положения – Мишеньку трудно носила. Угождал как мог, в лепешку расшибался... Думал – вот родится сынок, и все наладится, войдет в нужное семейное русло, трудности вместе переживем, новый дом в поселке построим. Места чудесные – меня туда после техникума как молодого специалиста распределили...

Да что там места. Если живешь в любви и понимании, хоть где можно прожить, хоть на Северном полюсе. А только любовь да понимание, видно, одним старанием не выслужишь. Да их вообще выслужить невозможно, если уж по большому счету. Не любила меня Наташа, как я ни старался. Теперь

думаю – и я не любил. Сам себя обманул отчаянным желанием побыстрее воплотить в жизнь детдомовскую мечту о семейном счастье...

Знаете, я теперь думаю, что в каждом человеке есть особенное местечко, где скапливается отчаяние, ящичек такой черный, сперва незаметный. Вот он наполняется, наполняется... И становится огромным ящиком, который носить уже сил никаких нет, иначе он тебя разорвет изнутри. Такую вот аллегория придумал – забавная, правда? Черный ящик отчаяния, гроб семейного счастья.

А тут, как назло, тяжелые времена наступили с работой, с заработком – все наперекосяк пошло. Да что я вам рассказываю – сейчас трудно у каждого. Только нормальные семьи в подобной ситуации, наоборот, объединяются, потому что близкие люди – они на то и близкие, чтобы всегда и во всем друг друга поддерживать. Но – не мой случай...

В общем, не смог больше. Ну не смог, хоть пополам разорвись! Сына жалко. Люблю его, сил нет. Но я тут узнавал – за него судиться можно. Понимаю, конечно, что совсем мне его никто не отдаст, но хотя бы на выходные... Или как там еще можно, на все бы пошел. Я ж отец, родной человек, а не чужой дядя! Суд же должен все это учитывать, правда? Говорят, даже бумагу специальную расписывают, когда и на сколько родной отец может ребенка забирать... Ни за что его не брошу, Александра Григорьевна, насмерть на своих правах стоять буду! Именно насмерть, потому как знать надо ха-

рактеры моей жены и тещи...

В общем, как уехал в город на заработки, так уже два месяца дома не был. Для себя принял решение, что надо разводиться, а приехать да объявить не могу... Нет, это не трусость, вы не подумайте. Другое. Может, просто неприятие всей этой ситуации во мне камнем сидит, лишним в черный ящик отчаяния. А деньги, что в городе зарабатываю, отсылаю со знакомыми в деревню. Это жене и теще важнее, чем я. Ну, вот и пусть... Только по Мишеньке очень скучаю.

Я ведь и это письмо сел писать для того только, чтобы с силами собраться. В следующий выходной поеду, рубану сразу с порога – так, мол, и так, хватит, пора разводиться. Даже подумать страшно, что после этого начнется...

Хотя Лиля говорит – ничего страшного, лучше один раз кинуться головой в омут и разом все разрешить. Это моя... Ну, как бы сказать... Другая женщина. Хотя к ней это слово не подходит – другая. Она уже своя, родная почти. Совсем-совсем на Наталью не похожа... А познакомились очень просто – мы у нее бригадой квартиру ремонтировали. Знаете, как-то сразу нас потянуло друг к другу... Этого не объяснить, наверное. Особенное такое чувство – смотришь на человека и видишь, что он понимает. Будто все-все про тебя знает, сочувствует, переживает, искренне желает только хорошего. И в ответ ждет того же. Лилия в этом смысле как беззащитный котенок, у нее за плечами такой же несчастливый брак. Говорят, мы даже внешне чем-то похожи... Знае-

те, она парикмахером в большом салоне работает, там окна такие большие – все с улицы видно. Так я, бывало, часами стою в сторонке, незаметно наблюдаю за ней. Лицо всегда улыбочливое, приветливое, легкие волосы нимбом на голове. Так ей и говорю – ты не Лилия, а одуванчик. Мой одуванчик...

Что-то я расчувствовался в конце письма, боюсь и про любовь уже заговорить. Да, наверное, я люблю ее, трудно не любить. Вся душа рвется к этому, хочет освободиться наконец от черного ящика... Это чудесно, конечно, и радостно, и волнительно... если б не такое долгое расставание с Мишенькой – уже два месяца сына не видел! Скучаю ужасно. Но даст бог, даст бог...

Сейчас перечитал еще раз – сумбурное письмо получилось. Да это ничего, пусть, все равно не отправлю. Просто рассказываю о своем ужасном положении, как вы учили, на бумаге. Чтоб в голове прояснилось. Пишу последние строки и крепну в решении: надо начинать все заново. Семью – сначала. А как же без нее? Это для детдомовца – оплот и надежда на жизнь...»

* * *

– Наталья, я сейчас в магазине услышала, что Валька-спекулянтка дубленки турецкие почти задарма раздает! Что-то не пошло у нее с торговлей-то, бандиты, видать, запугали!

Надо тебе брать!

Мамины глаза горели хищным огнем, лицо от возбуждения покраснелось, щеки алели помидорами. Но дочь в ответ лишь досадливо махнула рукой:

– Да где деньги, мам... Если только ты из своей заначки раскошелишься...

– Ну, это уж нет, это уж дудки! Ишь какая! Все тебе поднос подай!

– Зачем тогда душу травишь?

– А чего травлю-то... Ты у нас вроде как замужем, пусть денег даст! Соберись да поезжай к нему в город, возьми!

– Так он же недавно передавал с Сашкой Потаповым... Тот в город ездил, вот Серега через него и отправил.

– Ну, так, значит, есть они у тебя?

– Нет, мам... Я их в МММ вложила... Все деньги собрала, какие есть, и вложила...

– Не поняла – куда?!

– Да в МММ! Ну, это организация такая, вроде коммерческой. Кладешь одну сумму, получаешь вдвое больше.

– Ты чего, Наташка, совсем, что ли, сбрендила?

– Ой, не начинай! Ничего не понимаешь в нынешней жизни! Сама свои деньги наверняка завернула в тряпицу и спрятала где-то в доме, а умные люди сейчас так не поступают! Деньги должны работать, мама! Понимаешь? Ра-бо-тать!

– Ага... Значит, человек сидит на печи, а вместо него деньги на работу ходят? Да когда это такое было, Наташк?

Одумайся, ты чего! Пойди завтра да забери обратно, лучше вон дубленку на зиму купи!

– Ой, да я бы забрала, конечно... Только там просто так не отдадут, надо срок определенный выдержать...

– Ну, Валька-спекулянтка тебя ждать не будет, мигом все распродаст. За полцены у нее их с руками оторвут... А ты потом за бешеные деньги в коммерческом покупать будешь!

– Ну да... Все правильно говоришь... Что мне делать-то, мам?

– Так я ж тебе советую – смотайся к Сереге в город, еще денег попроси! Он тебе муж, обязан! Не на глупость какую берешь, а одеться на зиму! Должен же он о родной жене заботу проявить, в конце концов!

– А чего... Может, и впрямь...

Наталья быстро присела на кухонный табурет, задумчиво уставилась в окно, наморщив лоб. И тут же вскинулась, за-собиралась.

– И правда! Адрес знаю, он у приятеля своего живет, мы как-то давно у него в гостях были!

– Ага... Только поторопись, а то на утренний автобус опоздаешь...

Из окна своей комнаты Надя видела, как сестра торопливо прошла к калитке, на ходу повязывая шейный платок. Вздохнула – надо же, только из-за денег и собралась... А как там Сережа один в городе у чужих людей мыкается, ей и дела нет...

К вечеру пошел дождь. Погода испортилась разом, как бывает в августе, – похолодало, окна заволокло серыми неуютными сумерками. Пахло приближающейся грозой...

Мама уютно устроилась перед телевизором: ей сейчас хоть гроза, хоть землетрясение с наводнением – все равно. Пока очередные страсти из сериала «Богатые тоже плачут» не досмотрит, с места не сдвинется. Потом еще и Наташке рассказывать будет, что в очередной серии случилось, комментировать подробности... Причем с такой яростью, будто киношные Луис-Альберто и Эстер за соседним забором живут и у них по ночам огурцы с грядок воруют! Нет, это ничего, пусть смотрят, конечно, лишь бы к ней не приставали... Почему-то маме с сестрой кажется, что если она, Надя, сериал не смотрит, значит, что-то с девочкой не так. Недавно, например, мама нашла у нее под подушкой томик стихов Евгения Евтушенко, хмыкнула и посмотрела на дочь со странной жалостью – какая ж ты у меня малахольная... Ну вроде того.

Стукнула калитка, торопливые шаги на крыльце – Наташка приехала. С шумом распахнулась дверь, надсадный возглас опалил огнем тихий дом:

– Ой, мама, какой же он подле-ец...

– Тихо, не ори! Мишеньку разбудишь! – та с трудом оторвала взгляд от экрана. – Только заснул...

Выйдя из комнаты и плотно прикрыв за собой дверь, мать приступила к Наташке:

– Ну? Что там стряслось? Чего такая взмыленная?

– Он там другую нашел в городе, представляешь?!

– Да ну, быть того не может...

– А вот и может, может! Подлец, подле-ец...

– Кто тебе сказал-то, господи? Может, наговаривают?

– Да как же, если сама ее видела, собственными глазами!

Сразу с автовокзала пошла к приятелю, а мамаша его и говорит – не живет, мол, здесь больше Сережа... Я ей: а где, говорю, живет, может, адресок есть? Ну, она и дала... Ее адресок оказался, стервы этой...

– Ну, так и дала бы ей по рогам, и все дела! А его бы пристыдила как следует, чтоб в другой раз неповадно было!

– Я так и хотела, мам... С ходу скандалить начала, думала, испугается да прощения просить будет, а он...

Наталья зарыдала в голос, утирая лицо концами шейного платка. Зло рыдала, обиженно. Мама подошла, обняла ее за плечи, прижала голову к полному круглому животу:

– Ну, будет, будет... Ишь, пригрели змееныша на груди...

– А он мне, знаешь, так тихо, спокойно говорит: не скандаль, мол, не надо... Развожусь я с тобой... И даже виноватости никакой в голосе нету, представляешь?! Подлец, ой подле-ец...

– Ну а денег-то хоть дал?

– Да при чем тут это, господи! Тебе только деньги да деньги! Ни о чем, кроме этого, думать не можешь!

– Ага! Значит, у тебя теперь мать виновата! Давай, вали все на меня, как же!

– Да не виновата ты... Просто горько сейчас, ой, как горько...

– Ничего, ничего... Ты давай не реви. Было бы о ком, подумаешь! Ну, ходила замуж, отметилась, и то хлеб. Зато Мишатка будет не нагулянным числиться, а в законном браке рожденным. И алименты опять же... С паршивой овцы хоть шерсти клок... Хоть на стороне, а отец у него будет...

– Ну, это уж нет! – подняла на нее злое, залитое слезами лицо Наталья. – Извините-простите! Коли так он со мной поступил, то и сына больше не увидит! Вот, вот ему Мишка! – выставила она перед собой две смачные фиги, нервно покрутив ими в воздухе. – Вот! Вот! Вот! И алименты все равно будет платить как миленький!

Видимо, весь заряд злобной обиды ушел в эти сплетенные отчаянием пальцы – тут же опять зарыдала, сникла у матери в руках.

– Ой, как стыдно... Позор-то какой, что люди скажут... Теперь каждая собака на улице на меня будет пальцем показывать – разженка-брошенка...

– Подумаешь, нашла о чем переживать! Да я везде раструблю, что ты его бросила, и все дела! Понимаю, если б стоящего мужика потеряла, а тут... И жалеть не о чем, подумаешь! Баба с возу, кобыле легче! С глаз долой, из сердца вон! Чего, так уж любила его, скажешь? Ведь нет же! По крайности возраста замуж-то выскочила, не по любви!

– Да разве в этом дело – любила, не любила... Мне дру-

гое обидно – как он вообще посмел! Ну как? Вроде я его в черном теле держала, как собаку к ноге... Сидел, пикнуть не мог... У меня и мысли не было, что он на такое осмелится!

– Ну, как говорят, в тихом омуте черти водятся...

Они долго еще разговаривали на кухне. В телевизоре давно закончились латиноамериканские страсти, дикторша из программы «Время» что-то говорила с экрана, напрягая умное серьезное лицо. Тихо посапывал в своей кроватке Мишенька.

Надя плакала. Осознание собственного горя пришло не сразу, выросло постепенно из неприятия Натальиноного рассказа, недоумения, горечи, внутреннего смирения сложившимся обстоятельствам. Для Сережи счастливым, наверное, обстоятельствам. Почему-то представлялось его лицо, как рассказала сестра – совершенно спокойное. «Не надо скандалить, Наташа... Я с тобой развожусь...»

Да, все правильно сделал. Конечно же, правильно. Пусть он будет по-настоящему счастлив.

Только слезы по лицу бегут и бегут, не остановишь. Слезы ее собственного горя. Или, наоборот, счастья... Неужели она его больше никогда не увидит? И как теперь жить – с этим горем-счастьем внутри?..

* * *

– Серенький, ты дома? Чем у тебя так вкусно пахнет?

Ласковый Лилин голосок прилетел на кухню, покружился над плитой с изнемогающим на сковородке мясом, щекотно пробрался вовнутрь, заставив улыбнуться. Ему нравилось, как она его называет – Серенький... Да, в общем, и не в имени дело – пусть хоть как зовет. Главное – интонация... От такой ласковой и фартук повяжешь, и к плите встанешь, и улыбаться будешь, и радостно подпрыгивать серым зайчиком.

Нет, зайчиком он, конечно, не подпрыгивает, но иногда так и тянет из благодарности – на контрасте с прежними семейными отношениями. Да и чего там – не привык пока, впервые в жизни, можно сказать, в это бело-пушистое сюсюканье окунулся. Оттого, может, и чувствовал себя неуклюже, как слон в посудной лавке.

Поначалу никак не мог в Лилином доме освоиться. Чужаком себя ощущал, бедным родственником. Она, добрая душа, даже рассердилась однажды, выговор сделала: если, мол, серьезно у нас все и ты навсегда остаешься, то и веди себя как мужик, а не как залетный любовник! Сколько можно неловкостью мучиться, мне же обидно! Или ты, говорит, передумал со мной жизнь связывать?

Нет, не передумал... Куда уж, дело сделано, мосты сожжены. Если бы еще для полного счастья Мишка с ним был... Но об этом не стоит мечтать, конечно же. За сына еще повоевать придется, чтобы иметь возможность видеться иногда. Хоть раз в неделю. Но это уж как суд решит...

– Ой, Серенький у меня молодец, мясо жарит... В фар-
тучке... – послышался за спиной Лилин голосок, и вот уже
ее симпатичная мордашка вынырнула сбоку, потерлась но-
сом о плечо. – А я такая голодная, жуть! Последняя клиент-
ка только в восемь ушла...

– У меня готово почти! Смотри, как красиво получилось!
Это я в журнале рецепт вычитал – мясо по-венгерски с чес-
ноком и помидорами.

– Ух ты! Да в тебе, Серенький, кулинарный талант пропа-
дает!

– Ага. Давай, бегом в ванную, мой руки и за стол...

– Иду! – девушка быстро чмокнула его в щеку.

Сняв сковородку с плиты, он аккуратно разложил мясо по тарелкам, накрыл на стол, отошел на шаг, любовавшись красивой картинкой. Да уж, как в кино... И вино французское, Лиля такое любит... Для романтического ужина только музыки не хватает. Но это – дело поправимое, сейчас что-нибудь найдем в телевизоре...

Экран послушно замигал, слышались обрывки звуков. Все не то, не то...

– Ой, что ты, оставь! – вскрикнула появившаяся в дверях Лиля. – Там же Вадим Казаченко поет! Обожаю его!

– Да-а-а? – немного разочарованно произнес Сергей, отходя от телевизора.

– Ну конечно! Я прямо раскисаю вся, таю, как свечка! Такой он лапочка! Смотри, какие шаровары, ни у кого таких

нет! А как поет душевно, только послушай!

Страдальчески сморщив маленькое личико, Лиля резко тряхнула головой, уронив на глаза густую высветленную челку, заголосила пискляво, не попадая в такт экранному Вадиму Казаченко в шароварах: «Больно мне, больно...»

– Хм-м-м... – с трудом сдержал он обидный смешок.

– А тебе что, разве не нравится? – удивленно уставилась на него Лиля.

– Нет...

– Почему-у? – протянула, обиженно вытянув губы.

– Хм... Вообще-то о вкусах не спорят, Лиль. Шаровары шароварами, но, мне кажется, о любви нельзя так петь.

– Как – так?

– Бессовестно манипулируя женскими душами. Конечно, я не женщина и не могу судить... Но в принципе терпеть не могу всякой манипуляции. А точнее сказать – боюсь манипуляторов. Хотя говорят: кого боишься, того в конечном итоге к себе и привлекаешь...

– Ой, как умно сказал, ничего не понял! Но если тебе не нравится, переключи...

– Нет, нет! Пусть поет, жалко, что ли. Просто ты спросила – я ответил. Сказал, что думаю. Мы же договорились никогда не врать друг другу, правда?

– Ага... Тогда можно еще кое о чем спрошу?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.